

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 801.01

КАРЛ ФРИДРИХ ГАУСС И ЕГО ЗАНЯТИЯ
РУССКИМ ЯЗЫКОМ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ**В. Лефельдт*

Аннотация

Карлу Фридриху Гауссу было около 60 лет, когда он начал изучать русский язык – чтобы найти какое-то отвлечение от привычных занятий в области математики и физики. Настоящая статья описывает в общих чертах автодидактический метод Гаусса и его удивительные успехи в изучении языка, а также художественную и научную литературу, составлявшую его любимый круг чтения.

Ключевые слова: Карл Фридрих Гаусс, русский язык, русская литература, обратный словарь.

Услышав или прочитав имя Карла Фридриха Гаусса, мы думаем о блестящем астрономе, который математически точно вычислил орбиту малой планеты Церера, что позволило вскоре ее вновь обнаружить, об авторе фундаментального труда «Теория движения небесных тел», думаем о знаменитом исследователе земного магнетизма, об ученом, который раньше других математиков оценил значение воображаемой геометрии Н.И. Лобачевского, в период, когда Н.И. Лобачевский у русских математиков был в опале. Едва ли кто-нибудь связывает имя Карла Фридриха Гаусса с русистикой, с наукой о русском языке¹. В этой области, однако, он первым наметил путь, значение которого для нашей дисциплины было распознано лишь во второй половине XX века. Только сравнительно недавно, после признания этого направления лингвистической русистики, пионером которого – как мы увидим – был Гаусс, в ней появились важные научные труды и достижения.

Надо сказать, что уже некоторые современники “*principis mathematicorum*” были убеждены в том, что математика, астрономия, высшая геодезия, земной

---

* По материалам доклада по случаю вручения диплома почетного доктора Казанского федерального университета.

1 Подробное описание занятий К.Ф. Гаусса русским языком и русской литературой можно найти в работе [1] автора предлагаемой статьи. Эта работа содержит перечень всех книг из «русской библиотеки» Гаусса, включая перечисление разных замечаний и аннотаций, сделанных рукой Гаусса на полях многих книг, а также факсимильную репродукцию обратного словника русских существительных, прилагательных и глаголов, составленного великим ученым. Сокращенная, но все-таки достаточно развернутая версия указанной работы была опубликована на русском языке в журнале «Русский язык в научном освещении» (см. [2]).

магнетизм и электромагнитный телеграф не исчерпывают всех тех областей науки, которых коснулся блестящий ум Карла Фридриха Гаусса. Вольфганг Сарториус фон Вальтерсгаузен, близкий друг гениального профессора Геттингенского университета и его первый биограф, указал еще в 1856 году «на талант, который у Гаусса, кроме математики, проявился еще и в изучении различных языков. Классические языки были известны ему еще с юности, но и почти все другие европейские языки он знал настолько, чтобы на них читать, на самых главных из них он говорил и писал безукоризненно».

Известно, что Гаусс в начале своей учебы в Геттингене, осенью 1795 г., слушал лекции по классической филологии знаменитого филолога Кристиана Готтлоба Гейне и даже одно время колебался, изучать ли ему в университете древние языки или математику. Несмотря на то, что гениальное открытие Гауссом возможности построения равномерного 17-угольника с помощью циркуля и линейки весной 1796 г. определило его окончательное решение в пользу математики, он все же всю свою жизнь не прекращал заниматься языковыми и филологическими проблемами. Впечатляющее свидетельство этого неиссякающего интереса можно найти в обширной, длившейся десятилетиями переписке Гаусса с астрономом Генрихом Кристианом Шумахером, который жил в Альтоне, близ Гамбурга. Гаусс и Шумахер часто обсуждали в своих письмах тонкости латинского, английского и французского языков. Из этих дискуссий хорошо видно, насколько важно было Гауссу досконально понять прочитанные им тексты на этих языках, а также как можно точнее выразить на них собственные мысли.

О том, занимался ли Гаусс русским языком в первые шесть десятилетий своей жизни, нам ничего неизвестно. Вероятно, нет. Нужен был какой-то мощный импульс, чтобы побудить Гаусса к изучению, а затем и к исследованию русского языка, языка той страны, с которой он был тесно связан с самого начала своей научной карьеры благодаря многочисленным научным и личным контактам (ср. об этом представление книги К. Райх и Е. Руссановой «Карл Фридрих Гаусс и Россия» [*Reich K., Roussanova E. Carl Friedrich Gauß und Russland*] в конце этой статьи).

Насколько известно, первое указание на занятия Гаусса русским языком содержится в постскриптуме письма, отправленного им 17 августа 1839 года своему близкому другу, альтонскому астроному Генриху Кристиану Шумахеру. Гаусс пишет: «В начале прошлой весны, рассматривая приобретение какого-либо нового навыка как своего рода омоложение, я начал заниматься русским языком (ранее я пытался заниматься санскритом, но не получил от этого удовольствия), и меня он очень заинтересовал». Из этого замечания ясно видно, что Гаусс первоначально занялся изучением русского языка, не ставя перед собой задачи читать на нем научные работы. Однако в дальнейшем он использовал приобретенные знания по русскому языку также и для этой цели, о чем еще речь пойдет отдельно.

Примерно то же, что и Шумахеру, Гаусс рассказал профессору физики и директору магнитной обсерватории Петербургской академии наук Адольфу Теодору Купферу. Бывший профессор физики и химии Казанского университета посетил его летом 1839 года в Геттингене. Купфер написал 1 сентября 1839 года

отчет о своем пребывании в Геттингене своему петербургскому начальнику генералу Чевкину. В нем Купфер пишет подробно и с большим восторгом и изумлением о занятиях Гаусса русским языком и русской литературой, в чем он видит «счастлирое предзнаменование для русской литературы». В этой связи Купфер восклицает: «Воистину верно то, что гений предвидит будущее». Конечно же, Купфер позаботился о том, чтобы прислать Гауссу из Петербурга в качестве подарка двухтомный русско-французский словарь, который тому затем действительно очень пригодился при изучении русского языка.

В течение месяцев, следовавших за его сообщениями Шумахеру и Купферу в 1839 году, Гаусс довольно интенсивно и прилежно занимался изучением русского языка. Об этом мы можем судить по многочисленным письменным сообщениям самого ученого. Так, например, в письме к Адольфу Теодору Купферу, петербургскому академику и автору «Руководства по проведению магнетических и метеорологических наблюдений», от 13 августа 1840 года он пишет: «С русским я продвигаюсь хотя и медленно, но все же понемножку вперед и проявляю к этому богатому и красочному языку довольно большой интерес. Ваше руководство я читаю почти бегло и с большим удовольствием». Из этого высказывания видно, что в это время Гаусс занимался русским языком уже не только в целях отдыха, но и для приобретения навыка чтения научной литературы.

При изучении русского языка Гаусс активно пользовался грамматикой Н. Греча “*Grammaire raisonnée de la langue russe*” и русско-французским словарем К.Ф. Рейфа, которые ему прислал петербургский математик и астроном Федор Федорович Шуберт. С их помощью Гаусс прочитал все шесть томов вышедшего в 1828 г. собрания сочинений Александра Александровича Бестужева-Марлинского (1797–1837), современника Пушкина. На страницах всех этих томов обнаружены разнообразные пометки, сделанные рукой Гаусса. Это и замечания грамматического характера, нередко с указаниями на соответствующие параграфы грамматики Н. Греча, и заметки к значению лексем, и бесчисленные исправления опечаток, а в двух местах даже корректуры содержания текста – все это вместе взятое является впечатляющим свидетельством тщательности, с какой Гаусс читал русские тексты. Об этом и о высоком уровне знания русского языка великим ученым сообщает казанский астроном Иван Михайлович Симонов, посетивший Гаусса в 1842 году. Симонов пишет, что Гаусс «уже понимает произведения поэтов и писателей. А при чтении русских книг он исследует встречающиеся в них выражения до последней тонкости».

Само собой разумеется, что Гаусс читал также и математическую литературу на русском языке. Здесь особенно важно отметить его изучение трудов великого казанского математика Николая Ивановича Лобачевского, который независимо от него создал неевклидову, так называемую воображаемую геометрию. В геттингенской библиотеке Гаусса находится очень много сочинений Н.И. Лобачевского, некоторые из них были присланы в Геттинген самим автором. Очень интересно при этом следующее: Н.И. Лобачевский опубликовал свои первые работы по воображаемой геометрии в конце 20-х – начале 30-х годов в журнале «Казанский вестник». Гаусс был очень заинтересован в изучении этих работ. Уже в 1841 году он писал берлинскому астроному Иоганну Францу Энке,

что «он страстно желал бы прочесть больше работ этого остроумного математика». Но, по всей вероятности, тогда было трудно найти первые работы Лобачевского. В письме от 8 февраля 1844 года к своему другу Герлингу Гаусс заметил, что «в Германии трудно найти экземпляр “Казанского вестника” 1828–1829 годов». Все же ему каким-то образом удалось получить в руки несколько номеров этого журнала. Однако первых частей научного трактата Лобачевского было уже не достать. Похоже, что даже у автора спустя 15 лет после его выхода в свет не оказалось больше печатных экземпляров. Об этом свидетельствует рукописная копия недостающих частей трактата. Сейчас эта копия объемом в 20 страниц находится в архиве научного наследия Гаусса в Геттингене. Стало быть, Гаусс обладал полным текстом выдающегося труда Лобачевского «О началах геометрии». Из сноски на первой странице следует, что сам Лобачевский позаботился об изготовлении этой рукописи, очевидно узнав об интересе Гаусса к этой работе: «Извлечено самимъ Сочинителемъ изъ разсужденія, подъ названіемъ: Exposition succinte des principes de la Géometrie etc., читаннаго имъ въ засѣданіи Отдѣленія физико-математическихъ наукъ, въ февралѣ 1826 года». Благодаря этому Гауссу представился удобный случай изучить «Начала» Лобачевского в русском оригинале. Известно, что Гаусс высоко ценил Лобачевского, который, по выражению Гаусса, «мастерски в чисто геометрическом духе» разработал неевклидову геометрию. Гаусс хлопотал о приеме русского ученого в Геттингенское королевское научное общество, что и произошло в 1842 году.

Если мы зададимся вопросом, каким образом Гаусс изучал русский язык, то в первую очередь необходимо принять во внимание, что он здесь, как и во многих других областях, был автодидактом, то есть обходился почти без учителя. Об этом свидетельствует, например, В. Сарториус фон Вальтерсгаузен.

Если считать, что Гаусс самостоятельно изучал русский язык, то возникает вопрос, какие учебники, грамматики и словари привлекал ученый для этой цели и как он пользовался этими пособиями. В собрании Гаусса, которое хранится в Государственной и университетской библиотеке в Геттингене, среди пособий и грамматик по русскому языку находится также «Новый теоретический и практический учебник по русскому языку для немцев» Августа Вильгельма Таппе, четвертое издание которого, исправленное и дополненное, увидело свет в 1815 году. О том, что ученый этим изданием пользовался, свидетельствует то обстоятельство, что тщательно составленная Гауссом таблица с классификацией русских глаголов опирается на с. 194–198 учебника Таппе.

Еще одна классификация русских глаголов, также сохранившаяся среди записей Гаусса, заимствована, по всей вероятности, из «Практического учебника по русскому языку для школ и самообразования» Йоханна Адольфа Эрдманна Шмидта, вышедшего в 1843 году. В этом учебнике, также хранящемся в библиотеке Гаусса, обнаружены пометки, сделанные его рукой.

В начале нашей статьи было сказано, что Гаусс при изучении русского языка первым проложил путь, значение которого для русистики было признано лишь во второй половине XX века. Какой же это был путь?

Речь идет о том, что Гаусс при изучении русского языка тщательно составлял обширные списки существительных, прилагательных и глаголов в обратном

алфавитном порядке. Подобные, так называемые обратные словари играют в настоящее время важную роль в исследовании морфологии, особенно флективной морфологии русского языка. Автором первого и долгое время единственного обратного словаря современного языка, кстати сказать, именно русского, был филолог-классик Людвиг Дойбнер. Словарь был напечатан ограниченным тиражом как секретный документ в 1915 году командованием немецкой армии "Ost" («Восток») и должен был служить военным целям, а именно расшифровке обрывков пойманных радиogramм. Крайне примечательно, что Гаусс, очевидно, «первым решил вступить на путь с односторонним движением понимания слов в обратном направлении», во всяком случае раньше, чем профессиональные языковеды. Рассмотрим эту проблему более подробно.

В записях Гаусса по русскому языку находятся, в частности, семь списков русских имен существительных вместе с их переводом на немецкий язык. Существительные в этих списках расположены по определенным типам склонения, причем в каждом из них отчетливо прослеживается принцип обратного алфавитного порядка. Список существительных мужского рода, оканчивающихся на -ь в именительном падеже единственного числа, особенно четко показывает, что и здесь именно сам Гаусс ввел этот принцип систематизации составленного им материала. Этот список по составу и переводу наиболее близок списку соответствующих существительных «Граматики» Таппе, расположенных в алфавитном порядке. При переносе существительных из этого списка в свою таблицу Гаусс расположил их по своему принципу.

Особенно необычно и примечательно следующее обстоятельство: к пяти спискам русских имен существительных у Гаусса имеются подготовительные разработки в форме черновых списков, в которых хотя уже и прослеживается принцип обратного алфавитного порядка, но видны многочисленные, очевидно, добавленные на втором этапе обработки, дополнения и вставки, которые затем были внесены аккуратным почерком в окончательные списки на соответствующие им позиции; ср., например, средний род на о: предварительный список лист 5, окончательный список лист 4 об., лист 13.

В обратном алфавитном порядке расположен также список русских прилагательных.

Следующее наблюдение показывает, насколько последовательно придерживался Гаусс принципа обратного алфавитного порядка при составлении списков русских лексем. Среди записей по русскому языку Гаусса обнаружена тщательно составленная таблица спряжений глаголов, содержащая лишь один образец глагола для каждого типа спряжения, основой для которой послужили «Грамматика» Таппе и через нее «Практическая грамматика русского языка» Иоганна Северина Фатера, а также два уже упомянутых списка «неправильных глаголов», взятых из «Граматики» Таппе, и еще один список под названием «Неправильные» с новым делением русских глаголов по их формообразованию (лист 9 – лист 11).

Как удалось доказать, упомянутое второе деление русских глаголов восходит к грамматической части «Русско-французского словаря» Карла Филиппа Рейфа, экземпляр которого имелся у Гаусса с 1839 г. Сам Рейф позаимствовал

классификацию глаголов из грамматики Греча, экземпляр которой, как мы уже видели, также имелся у Гаусса и которой Гаусс часто пользовался.

В интересующей нас систематизации русских глаголов Гаусс приводит к каждому типу спряжения, позаимствованному Рейфом у Греча, в качестве примеров многочисленные инфинитивные формы в обратном алфавитном порядке, не упоминая об этом принципе не только в этом месте, но и вообще нигде. Совершенно очевидно, что Гаусс не рассматривал свои списки примеров как законченные; в каждом типе спряжения рядом с обозначенными стрелками корректурами в определении места глаголов в левом исходном списке справа на полях имеются более или менее многочисленные дополнения, которые Гаусс при переписывании в чистовик распределял на соответствующие им места, при этом он, несомненно, исправлял и цифровые данные в конце каждого списка глаголов.

Какие цели преследовал Гаусс при составлении своих списков русских глаголов, существительных и прилагательных в обратном алфавитном порядке? Однозначного ответа на этот вопрос, по всей вероятности, не существует, поэтому мы можем лишь высказать некоторые предположения.

Обращает на себя внимание то, что Гаусс в своих списках существительных и прилагательных составляет группы по 10 лексем, иногда число лексем в группе чуть больше или меньше 10. В предварительных списках группы из 10 лексем выделены штрихами, а в окончательных списках они четко отделены друг от друга пробелами. В достаточной степени очевидно, что Гаусс был заинтересован в том, чтобы получить представление о количестве лексем в отдельных типах склонений. На это указывает также такое заглавие как «89 мужского рода на ь» (фактически, учитывая дополнения, их 93), а также числа в конце большинства окончательных списков существительных, прилагательных и глаголов. Однако достижение этой цели не обязательно предполагает соблюдения обратного алфавитного порядка. Какую же цель все-таки преследовал при этом Гаусс?

К. Гертнер и П. Кюн пишут о том, что первые современные обратные словари, появившиеся во второй половине XIX века, служили трем целям: «во-первых, языковедческой, а именно определенным вопросам грамматики и словообразования, во-вторых, текстологической, то есть дополнению сохранившихся с древних времен неполных текстов, и в-третьих, дидактической, а именно упражнениям по словообразованию и изменению слов при изучении языка». Если рассматривать эти возможности по отношению к спискам слов Гаусса, то, разумеется, вторая возможность исключается. Вопросы словообразования Гаусса также вряд ли интересовали, так как в его списках мы находим преимущественно простые, непроеизводные формы. Поэтому кажется, что Гаусс преследовал в первую очередь дидактическую, точнее, автодидактическую, цель, желая выяснить, особенно в случае имен существительных, имеют ли лексем с одинаковым окончанием в именительном падеже единственного числа в конце основы, принадлежащие к одному типу склонения, еще какое-либо сходство. Возможно, он заметил, что основа всех существительных «среднего рода на я» в именительном падеже единственного числа оканчивается на *м*, тогда как ни одно из существительных «женского рода на я» не имеет такого исхода основы, напротив, — за исключением *стезя́* — встречаются только исходные согласные *л*, *н* и *р*.

К сожалению, нам не известно, производил ли Гаусс подобные наблюдения и сформулировал ли он соответствующие обобщения. Но, несмотря на это, остается только восхищаться, что у него одного из первых, даже, по всей вероятности, вообще у первого, возникла эта идея и он осуществил ее и расположил собранный им лексический материал русского языка в обратном алфавитном порядке. Если даже он, возможно, и преследовал при этом в первую очередь автодидактические цели, то совершенно очевидно, что таким образом был открыт один из способов изучения морфологической структуры этого языка. Мы, как русисты, с радостью осознаем, что ученый, имя которого стоит в одном ряду с такими именами, как Евклид, Ньютон и Эйлер, также и в истории нашей дисциплины первым открыл новый путь, путь, который привел в наше время к такому выдающемуся труду, как «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка.

По всей вероятности и в последнее десятилетие своей жизни Гаусс занимался русским языком и литературой, хотя может быть и не так последовательно. О том, что великий ученый по меньшей мере до 1844 года находил время для занятий русским языком, свидетельствует его письмо от 9 августа 1844 года, написанное непременно секретарю Петербургской академии наук Павлу Николаевичу Фуссу. В нем сказано: «Удовольствие, которое доставляют мне занятия русским языком и литературой, не охладело, и будет постоянно со мной». В том же самом письме Гаусс просил Фусса «прислать ему пару беллетристических вещей», таких как, например, «Капитанская дочка» Пушкина. Но спустя два года, 11 декабря 1846 г., Гаусс сообщает Вильгельму Струве: «В своих знаниях русским языком я немножко отстал, потому что вот уже более года у меня не было времени даже взглянуть на одну единственную русскую букву, но я надеюсь в ближайшее свободное время нагнать упущенное». Очевидно, эта надежда действительно сбылась. Об этом свидетельствует набросок отчета, который написал в 1851 году академик Санкт-Петербургской академии наук, физик Мориц Герман фон Якоби (1801–1874) о своем пребывании за границей в этом же году. В нем Якоби пишет о своем пребывании в Геттингене следующее: «Разумеется, я не упустил случая засвидетельствовать мое почтение знаменитому профессору Гауссу, дойену астрономов и математиков. Хотя он уже в почтенном возрасте, я застал его в светлом уме и добром здравии. Он сказал мне, что все свое свободное время использует для изучения русского языка и литературы, которые его чрезмерно интересуют. Русские, которые время от времени учатся в Геттингене, обучали Гаусса их языку, на котором Гаусс сам довольно прилично пишет и говорит». Это свидетельство важно еще и потому, что из него видно, что Гаусс при изучении русского языка пользовался также помощью его носителей.

Не подлежит сомнению, что талант такой гениальной и многогранной творческой личности, как Карл Фридрих Гаусс – “*princeps mathematicorum*”, ярко проявился и при его интенсивных, основательных занятиях русским языком и русской литературой. Здесь также находит подтверждение высказывание одного из биографов выдающегося ученого о том, что Гаусс никогда не занимался пустяками.

Приложение

Представление книги: *Reich K., Roussanova E. Carl Friedrich Gauß und Russland. Sein Briefwechsel mit in Russland wirkenden Wissenschaftlern / Unter Mitwirkung und mit einem Beitrag von Werner Lehfeldt.* – Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. – 904 S., с особым освещением казанских связей К.Ф. Гаусса.

Книга посвящена изучению научных связей Карла Фридриха Гаусса с Россией. Опубликованная здесь переписка и многие другие документы отчетливо свидетельствуют о значительном объеме и высокой интенсивности научных связей Гаусса с его российскими коллегами. Многочисленные свидетельства, которые рассматриваются в монографии, однозначно подтверждают тот факт, что равно как Гаусс играл важную роль в российской науке, так и Россия играла значительную роль в научном творчестве Гаусса. Такой вывод воспринимается сегодня несколько неожиданно, ведь в многочисленных биографиях Гаусса и трудах о его научной деятельности тема «Гаусс и Россия» либо вообще не упоминается, либо упоминается только вскользь.

В ходе исследования удалось выявить 17 ученых и исследователей, постоянно или временно проживавших на территории России, с которыми Гаусс состоял в переписке и письма которых сохранились. Эти корреспонденты и коллеги Гаусса жили и работали в основном в Санкт-Петербурге, Дерпте, Казани, Митаве и Ревеле. Большое место в переписке Гаусса с российскими коллегами занимают его отношения с целым рядом ученых Казанского университета. Перечислю их имена: Мартин Федорович Бартельс, учитель самого Гаусса и Лобачевского, Адольф Яковлевич Купфер, Иосиф Самуил Литтров, Николай Иванович Лобачевский, Иван Михайлович Симонов. Анализ переписки показал, что Гаусс обменивался со своими партнерами научными идеями в различных областях: это математика и астрономия, геодезия и физика. Таким образом, диапазон научного обмена Гаусса с российскими коллегами охватывал все те области науки, в которых работал сам ученый. В переписке Гаусса важнейшее место занимали научные проблемы. Личные дела обсуждались в письмах крайне редко, политические темы практически не затрагивались. Однако научно-организационные вопросы, такие как, например, рекомендации для назначения на должность, играли в переписке довольно значительную роль. Это свидетельствует о большом уважении, которое оказывалось Гауссу в России.

Гауссу не довелось побывать ни в Санкт-Петербурге, ни в каком-либо другом городе этой огромной страны. К тому же он сам не опубликовал ни одной своей работы в России. Тем не менее контакты Гаусса с Россией можно охарактеризовать не иначе как интенсивные и эффективные. Это особенно отчетливо видно на примере плодотворного сотрудничества в области исследования земного магнетизма.

Большинство из 127 писем, представленных в книге, публикуется впервые. Переписка Гаусса с Россией началась с попытки пригласить его в Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге как достойного преемника Леонарда Эйлера. Однако по ряду причин это приглашение так и не привело к переезду Гаусса в город на Неве. Завершает переписку, и это символично, сообщение о памятной медали в честь Гаусса – «короля математиков» – “*princeps mathematicorum*”. В год смерти ученого в Россию были посланы два комплекта этой медали: Николаю Ивановичу Лобачевскому в Казань и Томасу Клаузену в Дерпт. Этим двух ученых Гаусс особенно высоко ценил.

Так как Гаусс с 1839 года занимался изучением русского языка и достиг в этом значительных успехов, чтение русской литературы на протяжении последних 15 лет его жизни не представляло для него проблемы. Книги на русском языке, а также книги, изданные в России на других языках, имеющиеся в библиотеке Гаусса, являются красноречивым свидетельством того, насколько важны были для Гаусса как научный обмен с российскими коллегами, так и изучение России, прежде всего ее языка, истории и литературы.

В свою очередь труды Гаусса принимались и признавались в России так, как нигде в мире. Это подтверждают и многочисленные переводы его работ на русский язык, которые публиковались вплоть до настоящего времени. Ни в какой другой стране мира не существовало подобной масштабной и глубоко продуманной программы перевода важнейших трудов Гаусса для того, чтобы сделать их доступными для широкой публики, особенно для молодого поколения ученых. Такая программа была осуществлена только в Советском Союзе.

Несколько слов о структуре книги. Книга состоит из двух частей. В первой части описывается политическая ситуация в России в первой половине XIX столетия, затем состояние науки в России в этот же период, причем Казанскому университету посвящена отдельная глава. Большое место в первой части занимает тема «Гаусс и исследование земного магнетизма в России». Разумеется, что и в этой главе Казанский университет играет немаловажную роль, ведь первый российский магнитный павильон был построен именно в Казани в 1825 году. Затем приводится обзор многочисленных переводов работ Гаусса на русский язык и описываются занятия Гаусса русским языком и русской литературой, то есть предмет, которому я посвятил особую, довольно объемистую работу.

Вторая, самая большая часть книги подразделена на 17 глав. В каждой из этих глав описываются и документируются отношения Гаусса с его российскими коллегами и корреспондентами. Всего в этой части публикуется 127 писем Гаусса и его российских партнеров.

Что касается Казанского университета, то речь уже шла о том, что переписка Гаусса с рядом ученых этого университета имеет особое значение. Для этого обстоятельства есть свои причины. Во-первых, в Казанском университете в течение 12 лет преподавал учитель и старший друг самого Гаусса Мартин Федорович Бартельс, с которым Гаусса связывали особенно теплые личные отношения. В Казани Бартельс стал учителем Николая Ивановича Лобачевского и Ивана Михайловича Симонова, об успехах которых он, как известно, отзывался крайне положительно, даже восторженно. Как это ни удивительно, у Гаусса и Лобачевского был один и тот же учитель, и не подлежит сомнению, что Бартельс играл роль проводника идей Гаусса, которые сильно повлияли на молодого Лобачевского.

Во-вторых, отношения между Гауссом и Лобачевским имеют большое значение, несмотря на то – кажущееся на первый взгляд парадоксальным – обстоятельство, что настоящей переписки между двумя учеными не состоялось, за исключением одного довольно схематичного благодарственного письма Лобачевского. Но духовные отношения между геттингенским и казанским «королями математики» были весьма тесными. В книге широко документируется пристальный интерес Гаусса к работам Лобачевского по неевклидовой, так называемой воображаемой геометрии Лобачевского. По всей вероятности, Гаусс впервые узнал о «воображаемой геометрии» в 1840 году, то есть именно в начале того периода, в который он занимался изучением русского языка. Первое упоминание имени Лобачевского встречается

в письме Гаусса от 1-го февраля 1841 года, направленном астроному Иоганну Францу Энке. В этом письме Гаусс пишет о своем «страстном» желании прочитать больше работ этого «остроумного математика». И уже в 1842 году Лобачевский по предложению Гаусса был выбран в члены-корреспонденты Королевского Геттингенского общества наук, предтечи современной академии наук.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в это время и позже, почти до смерти Лобачевского, значение работ казанского математика в самой России не было осознано и признано. Напротив, можно утверждать, что у ведущих математиков Петербургской академии наук Лобачевский был в опале. Самым ярким свидетельством этого служит клеветническая – иначе не скажешь – рецензия на работу Лобачевского «О началах геометрии», опубликованная в 1834 году в журнале «Сын отечества», по всей вероятности, по непосредственной инициативе «диктатора российской математики» – это слова Гаусса! – Михаила Васильевича Остроградского. На этом фоне раннее признание значения работ Лобачевского геттингенским «королем математики» имеет особенно большой вес. В своей переписке с многочисленными корреспондентами Гаусс снова и снова с энтузиазмом отзывается о достижениях своего далекого казанского коллеги. И не только! Гаусс стремился к тому, чтобы получить в свои руки как можно больше оригинальных трудов Лобачевского, написанных по-русски. И действительно добился этого: в его библиотеке до сих пор хранится почти полное собрание прижизненных публикаций казанского математика.

Summary

W. Lehfeldt. Carl Friedrich Gauss and His Occupations with the Russian Language and Russian Literature.

Carl Friedrich Gauss was about 60 years old when he began to study the Russian language – in order to find some diversion from his usual occupation in the field of mathematics and physics. The present article outlines Gauss' autodidactic method and his astonishing successes in learning and describes, in a general way, his favorite fiction and scientific literature.

Key words: Carl Friedrich Gauss, Russian language, Russian literature, inverse index of words.

Литература

1. *Lehfeldt W.* Carl Friedrich Gauß und die russische Sprache // Studien zur Wissenschafts- und zur Religionsgeschichte / Redaktion W. Lehfeldt. – Berlin; N. Y., 2011. – S. 275–376.
2. *Лефельдт В.* Карл Фридрих Гаусс и русский язык // Рус. язык в научном освещении. – 2012. – № 1 (23). – С. 5–17.

Поступила в редакцию
24.05.12

Лефельдт Вернер (Lehfeldt Werner) – доктор наук, профессор отделения славянской филологии Геттингенского университета им. Георга-Августа, Германия; почетный доктор Казанского федерального университета.

E-mail: wlehfel@uni-goettingen.de